

Это было после войны. Я в то время был молодым парнем и работал трактористом. Однажды я на своём тракторе возвращался с работы. Прицепив к трактору тележку, в которой сидели наши мужики, я не торопясь колесил по грунтовой дороге.

С одной стороны виднелся лес, где берёзовые колки сменялись один за другим, а где-то в низинках показывались светло-зелёные стволы осин, раскидывая в пространство и подставляя всем ветрам свои голые беззащитные ветви. С другой стороны простиралось убранное и уже заснеженное поле. Снег ещё не лежал плотным настом, но уже заполнил всё земное.

Взглянув на очередной околок, от неожиданности я вскинул глаза, удивляясь увиденному. Вдоль опушки леса бежала стая волков. Их было восемь штук, и один из них бежал прихрамывая. Кто его знает, может, в капкан где попал или ещё что-нибудь случилось. Мужчины тоже увидели волков и не только с интересом, но и с опаской наблюдали, как волки вдоль опушки двигались вперёд и вперёд, а затем свернули в лес, уходя в восточную сторону.

Я с рождения жил в селе и немного знал особенности этих хищников. Обычно волк осторожничает, ведёт скрытый образ жизни, значит, что-то их встревожило и заставило передвигаться ещё затемно. Шли они след в след, оставляя прямую строчку. Задние лапы волк точно ставит в след передних, образуя цепочку. Бежали они рысью, а передвигаясь таким способом, волки могут развивать скорость до двадцати километров в час и проходить за сутки большие расстояния. Во время войны они очень расплодились, так как убивать их было некому. Бродили стаями, угрожая как животным, так и человеку.

Помню, как кто-то из мужиков рассказывал случай во время войны, когда волк погнался за собакой. Спасаясь, она вскочила в прихожую почты, дверь в которую была с пружиной и открывалась внутрь. Вслед за собакой ворвался волк, и завязалась схватка. Дежурный работник почты, услышав в коридоре шум, схватил пистолет и убил хищника, тем самым спас как себя, так и собаку.

А в данный момент волкам было не до нашего трактора и не до нас, ну а так кто его знает, что бы с нами было. Дом отца находился на краю села, я в это время жил с родителями.

Отец, Фёдор Захарович, был фронтовик, прошёл всю войну, а ещё был гостеприимным человеком. У нас в доме постоянно из путников кто-то останавливался, пил чай, отдыхал или оставался на ночлег. Отец всех принимал, будь то цыган, татарин или русский, он со всеми находил общий язык. Двери его дома были распахнуты для всех и никогда не запирались. Войдя в дом, я не особенно удивился, увидев незнакомых мне людей. Как оказалось, это были отец и дочь, они сидели за столом, ели жареную картошку, одновременно разговаривая с моим отцом. Мы познакомились, и Трофим Иванович, так звали гостя, вдруг неожиданно для меня спросил: «А ты слу-

чайно, когда ехал на тракторе, стаю волков не встретил?» Я удивлён был этим вопросом и ответил, что да, мы их видели, сказал, в какую сторону они ушли.

Оказывается, отец и дочь были настоящими охотниками, а Трофим Ивановичем к тому же воевал на фронте, был хорошим стрелком и обучил этому делу свою дочь Светлану. Она не отставала от отца, била белку в глаз, что является первым признаком настоящего охотника. Сейчас отец и дочь охотились на стаю волков, которую выследили ещё в лесах Куйбышевского района и гнали их по лесостепи в сторону Убинки, умело и быстро передвигаясь на лыжах и направляя стаю в нужном им направлении. Поужинав, все дружно разговорились, а Трофим Иванович, как знаток волчьих повадок, начал рассказывать интересные моменты из встреч с этим ярым хищником.

«Все их повадки я знаю и хорошо изучил. Несмотря на то, что волк животное, у него высоко развитая психика, он может анализировать обстановку и даже прогнозировать события, очень осторожен и наблюдателен. Вожаку стаи, самому ловкому и сильному, подчиняются все безоговорочно, здесь железная дисциплина, а кто ослушался – строго наказывают. Движение, жест, взгляд вожака – закон для всей стаи. Очень опасен волк, когда он голодный.

Однажды во время охоты за нами увязалась дворовая собака. Мы её несколько раз пытались прогнать, но она не уходила и находилась от нас примерно в двухстах метрах. На этом расстоянии её и растерзали волки. А ещё был случай в одном городе. Один старый волк уже не мог охотиться и прижился в городе. Понемногу, видя, что на него никто не обращает внимания, он спокойно начал ходить по городским улицам, а все думали, что это собака.

Обнаружил он себя тем, что бросился на круп лошади, волчья повадка его всё-таки и выдала. Нет, волк есть волк,

у него и чутьё, и слух, и зрение очень хорошие, но самое главное, он коварен. Так, например, если лоси ещё способны сопротивляться волкам, то лосята не могут этому хищнику противостоять, и волки безжалостно с ними расправляются. Чтобы ни говорили, а волк – это опасный зверь и его надо уничтожать, оставлять только при необходимости продолжения его рода».

Постепенно и Фёдор Захарович и Трофим Иванович русло разговора перевели на военную тему, так как было и о чём поговорить, и что вспомнить. Нужно сказать, что кроме меня у нас в семье было ещё два сына: Сергей и Пётр, один воевал на Западном фронте, другой под Ленинградом, и оба пропали без вести.

Услышав про Ленинградский фронт, Трофим Иванович заинтересовался: «Так я тоже под Ленинградом был, а ваш сын, поконкретней скажите, где, в каком месте он воевал?» – «Да на Ладожском озере». – «Так и я там был, это же не просто озеро, там же проходила фронтовая коммуникация – Дорога жизни. Были страшные схватки с немцем в битве за Ленинград! Город находился в блокаде триста тринадцать дней, и всё необходимое для города, для фронта и флота доставлялось только по Ладоге. Я точно помню, что блокада Ленинграда была прорвана только в январе сорок третьего года и только в январе сорок четвёртого город был полностью освобождён от блокады. Очень здорово помогали моряки Ладожской флотилии.

Сколько там ребят полегло! Помню, на освобождение Ленинграда, на прорыв блокады готовились войска Ленинградского и Волховского фронтов, моряки Краснознамённого Балтийского флота. А ваш-то сын Сергей, он кем воевал?» – «Да баранку крутил, грузы, продовольствие доставлял. Один раз написал, что находится недалеко от острова Сухо, другой

раз, что недалеко от бухты Морье, а потом пропал без вести». – «А фамилия его как?» – «Орлов Сергей». – «Как Орлов Сергей?! Я с Орловым Сергеем в одной роте служил. А у вас есть его фотокарточка?» – «А как же! – воскликнул Фёдор Захарович. «Ну-ка, Василий, сходи-ка, принеси, – попросил он меня. Я быстро возвратился с фотографией. Трофим Иванович, взглянув на фото, изменился в лице, посмотрел на моего отца. «Фёдор Захарович, так это же мой военный товарищ, получается твой сын», – в растерянности сказал он. «Так ты его видел?!» – радостно воскликнул отец. – «Где он, что с ним? Говори же, ну!» – «Томить не буду, погиб твой сынок, утонул в Ладожском при страшном авианалёте. Бомбы рвались не переставая. На моих глазах Сергей, уже убитый и потонул. Там была такая свистопляска, свету белого не было видно. Я то чудом остался жив. Взрывной волной меня отбросило на льдину и оглушило».

В доме наступила тишина, надежда на то, что сын, может ещё где-то быть живым, теперь исчезла и уже навсегда. «Ну вот, – грустно сказал отец, – хотя и нет могилы у моего сына, но хоть будем знать, где погиб наш сынок». – «Вот ведь как бывает, кто знал, что мы остановимся с дочкой у вас, у отца моего боевого товарища, – произнёс Трофим Иванович. – «Вы уж меня простите за такую весть, не думал, не гадал, что придётся вам говорить об этом. Примите мои соболезнования». «Папа, – обратилась к отцу дочь Светлана. – Знаешь, мне почему-то только сейчас пришла в голову мысль сравнить эту волчью стаю с фашистской нечистью. Они были такими же коварными и злыми, никого не жалели! Они были сильными, жестокими и беспощадными! И напали то на нас внезапно». – «Да, дочка, я с тобой согласен, сам воевал и хорошо себе представляю и помню, сколько потребовалось сил, времени, да и героизма, не побоюсь сказать, чтобы унич-

тожить этого зверя в своём же логове. А то, что мы догоним эту стаю и уничтожим, я, дочка, не сомневаюсь. Завтра рано поутру встанем на лыжи, перемахнём через лесок, они хоть и сильные, но всё равно должны остановиться для передыха. Догоним эту свору и уничтожим. Не зря ты у меня снайпер, меткий стрелок, даже отца превзошла».

Так и оказалось на самом деле. Опытные лыжники-стрелки к вечеру следующего дня настигли хищников и всех истребили. А моя мать после вести о сыне Сергее долго плакала и сокрушалась, что нет даже сыновьей могилки, постоянно ходила в церковь и ставила свечу за упокой его души. Ещё не один раз ходила она, то к одной гадалке, то к другой, ворожила на второго сына Петра и всегда, у любой ворожеи, мать получала один и тот же ответ: Пётр жив.

Может, и правда, думал я, может, наш Петро действительно живой. Просто забросала, закидала его судьбинушка где-то на далёкой, на чужой стороне, запутала его стёжками-дорожками проклятая война, вот он и не может подать нам весточку о себе. Не может он пока добраться до родимого дома, и время, только оно, быть может, покажет Петру дорогу к родной сторонке, к родному порогу, надо только подождать, надо подождать.

